

МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ НАД СМИ ПО-АЗИАТСКИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА

Д. М. Салимов

Салимов Диловар Мирзомуддинович

Эл. почта: dilovar.salimov.1988@mail.ru. ORCID 0000-0002-6697-0902.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
наб. Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы и институты реализации политического режима цензуры и контроля над СМИ в информационном поле Таджикистана и Узбекистана. Отмечается, что сформированный ими политический режим цензуры и контроля над СМИ значительно уменьшает в них поток информационных атак и тем самым создает медийное пространство, в котором все правила диктуются властями. Функционирование СМИ в рамках этой стратегии — залог устойчивости как внешней, так и внутренней политики национальных государств. Этот аспект рассматривается в сравнительном ключе с учетом анализа публикации СМИ и нормативных актов, касающихся политической жизни обоих государств. Определяются механизмы реализации политического режима цензуры и контроля над различными видами СМИ в зависимости от занимаемой ими позиции по отношению к действующим режимам. Выявляются как правовые, так и внеправовые механизмы политического режима цензуры и контроля над СМИ. Одним из ключевых выводов является то, что политическая динамика Таджикистана и Узбекистана во многом определяется организацией массовых медиапотоков, которые считаются ключевым инструментом в контексте легитимации действия местных властей. Предлагаемые ими методы решения существующих проблем демонстрируют различное сочетание демократических принципов и механизмов императивной координации, толкающих эти государства к стилистике намеренного и ненамеренного авторитаризма. Разработанный ими политический режим цензуры и контроля над СМИ выступает залогом информационной безопасности в условиях политико-идеологического противостояния как между властью и оппозицией в этих государствах, так и геополитическими игроками в регионе. Концептуальной основой исследования также служит научное представление о том, что в национальных государствах важным фактором становится обоснованность политики режимов, чьи устойчивости предлагают наличие механизмов информационного воздействия власти на общество и модели политического позиционирования СМИ, каковым выступает политический режим цензуры и контроля.

Ключевые слова: политический режим, политическая цензура, СМИ, власть, государство, легитимный порядок, персонификации политического режима, авторитарный режим, информационная безопасность.

Введение

Политическая динамика среднеазиатских государств во многом определяется организацией массовых медиапотоков, которые являются ключевым инструментом в контексте легитимации действия национальных государств. Предлагаемые ими методы решения существующих проблем демонстрируют различное сочетание демократических принципов и механизмов императивной координации, толкающих эти государства к стилистике намеренного и ненамеренного авторитаризма. Определенное место в этом пространстве занимают Таджикистан и Узбекистан, предлагающие собственный набор инструментов информационного воздействия государства на общество и модель политического позиционирования СМИ. Разработанный ими политический режим цензуры и контроля над СМИ выступает залогом информационной безопасности,

особенно в условиях политико-идеологического противостояния, как между властью и оппозицией в этих государствах, так и геополитическими игроками в регионе.

В научной сфере стран данный вопрос изучается исключительно в контексте определения их позиционирования по отношению к внешней политике этих государств. В них доминирует тенденция, согласно которой политическая цензура представляет собой не только способ фильтрации журналистского текста или недопущение критических материалов в СМИ, но прежде всего факт отхода от установленного стандарта поведения¹. Она воздействует не только и не столько на совокупность дискуссионных материалов в СМИ, подвергаемых цензуре, но и на все пространство мысли и тем самым обеспечивает введение его в рамки, приемлемые для власти и для стимулирования самоцензуры (Avsar, 2022).

Вопрос о политическом позиционировании СМИ среднеазиатских государств и сформированной по отношению к ним системе цензуры также обсуждается на научных конференциях (Карпов, 2013; Абишева, Шаймергенов, 2017) регионального уровня с участием постсоветских и зарубежных экспертов. Однако в рамках подобных конференций исследуемое явление рассматривается на практическом уровне, а его теоретическая значимость остается без внимания.

Относительно новый подход к функционированию СМИ среднеазиатских государств с учетом анализа их внешней и внутренней политики можно наблюдать в работах западных исследователей (Jansen, 1991; Merrett, 2007; Osman, 2019). Здесь внимание уделено не только развитию СМИ в условиях глобализации, но и формированию системы цензуры, выступающей залогом информационной устойчивости власти. Функционирование СМИ и анализ сформированной по отношению к ним системы цензуры рассматривается как фактор, определяющий особенность политического режима в национальных государствах, их демократический или авторитарный характер, хотя используемые методы и критерии оценивания демонстрируют определенную политическую и идеологическую склонность авторов.

Отправным концептуальным основанием данного исследования является научное представление о том, что в современных политических режимах (включая авторитарные, смешанные и демократические) важным фактором становится обоснованность политики режима, чья устойчивость предлагает наличие механизмов информационного воздействия власти на общество и модели политического позиционирования СМИ. В условиях национальных государств одним из вероятных сценариев данной модели становится высокий уровень персонализации политического режима и отсутствие пространства для публичного оспаривания, что в свою очередь значительно осложняет задачу механизмов обеспечения обоснованности политики местных властей. Данное обстоятельство привело не только к изменению механизмов решения политических вопросов, но и к применению всех благоприятных возможностей решения существующих проблем, примером которых является формирование политического режима цензуры и контроля над СМИ.

¹ Турдубаева, Э. Состояние СМИ и роль социальных сетей в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане (2018). Cabar.asia, Режим доступа <https://school.cabar.asia/ru/books/sostojanie-smi-i-rol-socialnyh-setej-v-kazahstane-kyrgyzstane-tadzhikistane-i-uzbekistane/>

Плюрализм интерпретаций политической цензуры и политического контроля

К одним из важных факторов, определяющих характеристику политического режима, относятся методы и способы осуществления политического контроля над обществом в целом. Политический контроль создает не только формат поведения политических субъектов, но и значительным образом формирует мировоззрение и поведение общества на основе задаваемых идеологических канонов и практических потребностей политического режима.

Особенность данного явления в условиях среднеазиатских стран заключается в том, что оно зачастую выходит за рамки общепринятых правил и публичной политики и охватывает практически всю общественно-политическую сферу. Это связано, с одной стороны, с продолжительностью борьбы за власть значительно угрожающей легитимному и общественному порядку, с другой — с необходимостью сохранить устойчивость политических режимов, базирующихся на «институте личности». По утверждению П. Роллберга и М. Ларуэля, последнее стало важным при разработке системы цензуры и контроля над СМИ в этих государствах (Rollberg, Laruelle, 2015).

Политическая цензура является одной из форм политического контроля, предусматривающего тотальное вмешательство режима, не только в публичную сферу, но и в производство информации. Политическая цензура, пишет Б. Мюллер, как одна из форм политического контроля исключительно ориентирована на тотальный контроль над всем, что попадает в публичную сферу. Ее первичная задача — запрет информации, распространение которой приведет к появлению в обществе недовольных групп (Driscoll, 2012). Эту информацию исследователь К. Янсен называет «политическое знание», которое может сформировать у аудитории противоположное мнение по отношению к режиму (Jansen, 1991).

Политическая цензура, пишут Ф. Кук и К. Хайльманн, характерна для авторитарных режимов, с помощью которой диктаторы управляют недовольной частью общества, лишая ее возможности открытого обсуждения вопросов, касающихся деятельности власти и публичной сферы в целом (Freedma, Kurambayev, 2019). Данную стратегию Х. Мерретт называет «попыткой предотвратить коллективное действие против политического режима» (Merrett, 2007).

Политическая цензура в системе тотального государственного управления признается залогом информационной безопасности и фактором стабильности общества в целом. Главная функция политической цензуры — осуществление контроля в информационном поле государства. Здесь политическая цензура приобретает положительный оттенок, а ее наличие в системе государственного управления становится определяющей (Horton, 2011; Гегель, 1978).

При этом следует подчеркнуть, что в плюралистическом обществе явно просматриваются отрицательные факторы действия этой системы. В качестве негативного влияния отмечается ограничение свободы СМИ, возможности манипулирования общественным сознанием в угоду конъюнктуре, в результате чего возникает недоверие к официальной идеологии со стороны социума. Возникновение политической цензуры в тоталитаризирующих системах тесно связано с формированием государства и необходимостью обеспечить эффективное управление большим и крайне разрозненным населением (Поцелуев, Курбатов, Маник, 2021). Политическая цензура в такой форме, как пишет Т. М. Горяева, «возникла в тот момент,

когда группа людей, обладавшая властью и имуществом, стала навязывать свою волю остальным» (Горяева, 2009).

Тем не менее в обоих случаях очевидным остается тот факт, что задача системы цензуры остается неизменной, она ориентирована на ограничение свободного обмена информацией. Политический режим тоталитарного плана по своей природе связан с определенной идеологией, выступающей ориентиром общественного развития и носителем его стратегии. Поддержание и распространение официальной идеологии и стратегии в государственной системе преимущественно возложено на СМИ. Закрепляя идеологию, мораль, провозглашая свободу слова, свободу идейной борьбы между политическими силами, СМИ обеспечивают информационную стабильность властной системы (Матц, 1992).

Политическая цензура как система надзора и контроля является частью системы управления среднеазиатских государств. В силу того, что правящая элита не всегда может контролировать процессы, происходящие в обществе, роль и функции системы цензуры на себя берет манипуляция массовым сознанием. В условиях Таджикистана и Узбекистана данный процесс можно обозначить понятием «политический режим цензуры и контроля над СМИ». Под этим понятием подразумевается институциональный порядок тотального контроля существующей властью над информационными ресурсами в целях обеспечения ее информационной безопасности и устойчивости ее признания со стороны общества на основе включения в процесс имеющегося медийного ресурса, декларирующего властную политическую идеологию.

Таджикская модель политического режима цензуры и контроля над СМИ

Существующий политический режим цензуры и контроля в Таджикистане значительным образом обеспечивает процесс формирования государственного контроля над информационными ресурсами. Стратегия реализации политического режима цензуры и контроля в основном разрабатывается институтами государственной власти. Разработанная ими стратегия контроля, базирующаяся на правовых и неправовых методах, реализуется как вертикально с учетом применения законов, регулирующих деятельность СМИ, так и горизонтально путем участия в формировании подконтрольных общественных организаций (Салимов, 2023).

В стране прямое (законное) вмешательство в деятельность СМИ отсутствует. В Конституции Республики Таджикистан (РТ) закреплено, что каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации. Пропаганда и агитация, разжигающие социальную, расовую, национальную, религиозную и языковую вражду и неприязнь, запрещены, как и государственная цензура и преследование за критику (ст. 30)². Так, в законе РТ «О периодической печати и других средствах массовой информации»³ закреплено, что печать и другие средства массовой информации пользуются свободой. Каждый гражданин РТ имеет право свободно выражать свои убеждения и придерживаться своих взглядов, сообщать их в любой форме через прессу и другие средства массовой информации.

² Конституция Республики Таджикистана от 6.11.1994 г. № 1. Режим доступа <http://mmk.tj/content/конституция-чумхурии-тоҷикистон>

³ Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 19.03.2013 № 961. Режим доступа <http://mmk.tj/content/қонуни-чумхурии-тоҷикистон-дар-бораи-матбуоти-даврий-ва-дигар-воситаҳои-ахбори-омма>

Цензура массовой информации не допускается (ст. 3). Также закон РТ «О доступе к информации» (Закон РТ «О праве на доступ...», 1994) создает правовые условия для реализации права каждого гражданина на свободное осуществление поиска и извлечения информации.

В законодательных документах, касающихся СМИ, не упоминаются названия органов цензуры, однако на практике деятельность СМИ контролируют Министерство культуры РТ, Министерство юстиции РТ и Налоговый комитет при Правительстве Республики Таджикистан. Это проявляется в процедуре получения регистрации и лицензий, периодической проверке документов, повышении налогов, закрытии СМИ в случае нарушения законодательства, защищающего информационную безопасность, государственную тайну.

Все виды СМИ независимо от формы принадлежности находятся под воздействием политического режима цензуры и контроля над СМИ. В зависимости от занимаемой ими позиции механизмы политического режима цензуры и контроля по отношению к различным видам СМИ осуществляются по-разному. Так, функционирование государственных СМИ вполне соответствует требованиям политического режима цензуры и контроля. Данный режим воспринимается ими как идеология правящей элиты, ориентир общественного развития и носитель его стратегии. Они охватывают широкую аудиторию и представляют собой «силу», у которой пока нет равного соперника (Шарифзода, 2009). Речь идет об их политическом статусе ввиду своей принадлежности государству, хотя, как показывает анализ, в плане освещения политически важных вопросов они во многом отстают от независимых СМИ (Шарифзода, 2014). В распоряжении власти находятся самые крупные общереспубликанские СМИ, такие как НИАТ «Ховар», «ТВ Тоҷикистон», «ТВ Чохоннамо», «ТВ Сафина», радиостанции НИАТ «Ховар», «Тоҷикистон», газеты «Республика», «Голос народа», «Трибуна народа» и т.д. Контроль над всеми периодическими изданиями осуществляется издательско-полиграфическим комплексом «Шарки Озод» — исполнительным аппаратом президента РТ, одним из крупнейших полиграфических предприятий в среднеазиатских странах. Контроль над электронными СМИ реализуется Комитетом по телевидению и радио при Правительстве РТ. Закон «О телевидении и радиовещании» не допускает вмешательства государственных органов в деятельность комитета, и, соответственно, государственная цензура и преследования за критику запрещаются (ст. 6). Но в то же время политику в области телевидения и радиовещания определяет только государство⁴.

Политический режим цензуры и контроля в отношении независимых СМИ осуществляется посредством принятия многочисленных законов и законодательных актов, нарушение которых приводит к санкциям по отношению к ним, а иногда к их ликвидации. Позиционирование независимых СМИ зачастую становится причиной разногласий между ними и властью. Причина кроется не только в том, что СМИ стремятся контролировать действия власти, поддерживая интересы социума, но и в том, что они финансируются определенными политическими объединениями, стремящимися заполучить власть на отдельно взятой территории, и действуют в их интересах. В экономическом положении независимых СМИ решающую роль по-прежнему играют два фактора: 1) умение договориться с органами государ-

⁴ Закон Республики Таджикистан «О телевидении и радиовещании» от 14.12.1996 № 382. Режим доступа <http://mmk.tj/content/дар-бораи-телевизион-ва-радиошунавонӣ>

ственной власти и выйти на заключение с ними договора о сотрудничестве (т.е. получить доступ к бюджетному финансированию); 2) обеспечить себе финансовую базу за счет представителей бизнеса (Салимов, 2018).

Политический режим цензуры и контроля в отношении партийно-религиозных СМИ осуществляется по тем же принципам, что и независимых СМИ. Как партийно-религиозные, так и независимые СМИ в силу поддержки иной позиции в отношении политических решений, принимаемых властью, часто оказываются под давлением государственных органов. Религиозные СМИ представлены двумя группами: способствующими политизации ислама и религиозными формированиями, не претендующими на политическое влияние в обществе. К первой группе относится «Спасение» — орган печати ПИВТ⁵ (запрещенная в Таджикистане партия с сентября 2015 г.). Вторая группа религиозных СМИ, появившаяся в постконфликтный период («Прозрачность», «Подлинность»), не является политизированной. Они принадлежали различным медиа-холдингам и религиозным учреждениям и не имели аналогов в контексте освещения традиционного ислама. Одним из важных органов цензуры для религиозных СМИ является Комитет по религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве РТ. Одна из главных задач этого Комитета — осуществление контроля над информационными ресурсами по свободе совести и религиозных объединений. Эту функцию также выполняет Исламский Центр РТ, который одобряет политику власти в области религии. Ярким примером служит скандал вокруг закрытия мечети «Мухаммадия», известной как мечеть семьи Тураджонзода, которой также принадлежал интернет-сайт www.turajon.com. Инициатором данного инцидента стало руководство Исламского Центра РТ.

Политический режим цензуры и контроля по отношению к другим партийным СМИ проявляется не только в их ограничении, но в создании отрицательного образа лидеров политических партий в подконтрольных власти СМИ. Сегодня в стране официально функционируют семь политических партий, шесть из которых представлены в парламенте страны. Среди них доминирующее место занимает НДПТ — правящая партия, которой принадлежит 11 периодических изданий, выходящих по всей стране. Центральное издание партии, газета «Трибуна народа», еженедельно выходит с тиражом 64 тыс., а ее редакционная политика вполне соответствует идеологии политического режима цензуры и контроля.

Учитывая зону распространения, второе место занимает КПТ, чья идеология отражается в таких изданиях, как «Голос труженика», «Утро Памира» и «Коммунист Таджикистана» на русском, таджикском и узбекском языках. В то же время СМИ партий ДПТ, АПТ, СПТ и ПЭРТ в основном проявляют активность только в период выборов. Подобно независимым СМИ, они часто сталкиваются с проблемой получения регистрации. Так, СДПТ выпускала газету «Социал-демократ», однако, несмотря на многократные обращения в Министерство культуры РТ, партия не смогла зарегистрировать свое издание.

Кроме того, вопрос о наличии у политических партий СМИ в сетевой среде по-прежнему остается острым. На сегодняшний день, кроме НДПТ, остальные партии не имеют своего официального сайта в интернете. Из действующих партий

⁵ ПИВТ признана террористической организацией и запрещена на территории Таджикистана и России.

только три зарегистрированы в Facebook⁶. Их официальные страницы в Facebook* были зарегистрированы в начале 2020 г., и имеют ограниченное количество подписчиков. Так, в 2021 г. ни одна из оппозиционных партий не обновляла свою страницу в Facebook. В то же время страница НДПТ в Facebook*, число подписчиков которой достигает 2100 человек, обновляется практически ежедневно⁷.

Механизмы контроля над сетевыми СМИ определяются в зависимости от их позиционирования по отношению к власти. Это касается и традиционных СМИ, присутствующих в интернете, и СМИ, непосредственно функционирующих в сетевой среде. Переход традиционных государственных СМИ («Голос народа», «Республика» «ТВ Точикистон») в сетевую среду не изменил их политических приоритетов, они по-прежнему ориентированы на создание виртуального сетевого пространства, где формируется искусственный контент политической реальности страны. В отличие от них, традиционные независимые СМИ («Фараж», «СССР», «Азия-плюс») в сетевой среде значительно способствовали формированию новой модели взаимоотношений между властью и обществом (Мукимов, 2019; Мукимов, 2016). Аналогичный вывод можно сделать по отношению к СМИ, выходящим только в пространстве интернета («Rushnoi», «Your», «Точка зрения», «Factcheck»).

Следует также подчеркнуть, что глобальный характер сетевых СМИ обуславливает высокий потенциал информационно-коммуникационного проникновения в информационные пространства национальных государств. Это проявляется в том числе и в применении внешними акторами интернет-технологий в целях идеологического воздействия на адресатов отдельно взятой территории. Примером этому служит позиционирование таджикской оппозиции в социальных сетях по отношению к пограничному конфликту между Таджикистаном и Киргизией в апреле-мае 2021 г. и в сентябре 2022 г. Большинство из этих аккаунтов в социальных сетях принадлежали сторонникам тех групп, чьи деятельности были запрещены в стране. Аналогичное позиционирование сетевых СМИ, принадлежащих таджикской оппозиции, можно было наблюдать в период активизации талибов в Афганистане, эмиграции потока афганцев на территорию Таджикистана в августе 2021 г. и во время массовых протестов в г. Хороге (административный центр ГБАО) в ноябре 2021 г. В обоих случаях сетевая активность таджикской оппозиции ориентирована на формирование у адресатов протестных настроений по отношению к действующему режиму и тем самым на нарушение легитимного порядка в стране.

Узбекская модель политического режима цензуры и контроля над СМИ

Формирование политического режима цензуры и контроля над СМИ сопровождается политический курс Узбекистана с момента приобретения страной независимости. Данный период характеризуется появлением новых политических сил, стремившихся создать, с одной стороны, исламское, с другой — светское государство. Политический курс И. Каримова, значительно снижавшего политическую напряженность, сопровождался формированием политического режима цензуры и контроля над СМИ, обеспечивающего легитимации его действия. Хотя цензура

⁶ *Facebook, Instagram — социальные сети, принадлежащие компании Meta — экстремистской организации, деятельность которой запрещена в России.

⁷ Сулаймони И. Семь подписчиков в Facebook: как работают партийные СМИ Таджикистана? (2020, 1 февраля). Newreporter.org. Режим доступа <https://newreporter.org/2020/01/27/sem-podpischikov-facebook-kak-rabotayut-partijnye-smi-tadzhikistana/>

в стране официально была отменена в 2002 г., впоследствии она оказалась определяющей для власти, воплощающаяся в личности И. Каримова (Базылева, 2017).

Система «власть – общество – СМИ» в период правления И. Каримова была достаточно сложной, противоречивой и непредсказуемой. Наличие данной политики было продиктовано не только появлением политических сил и формированием протестных настроений у узбекского общества против власти, ярким примером которого является андижанские события, но и изменением ситуации как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, которые внушили страх очередной цветной революции узбекскому руководству.

С приходом к власти новый президент Ш. Мирзиёев свой политический курс начал с многочисленных реформ. Однако политика откровенности нового руководства воспринималась как попытка легитимации своей власти и стремление «очистить» у узбекского общества память своего предшественника И. Каримова. Такое явление является частью политики руководства и в других среднеазиатских странах (Cook, 2012).

Вместе с тем проводимые реформы также привели к усилению давления на медийное пространство. Это проявляется в принятии законов и нормативных актов, ужесточающих наказание за критику власти, как в традиционных, так и в сетевых СМИ. Справедливо замечание Ш. К. Ирназарова о том, что «Узбекистан пока не демократическая, а демократически ориентированная страна» (Ирназарова, 2018), потому и любое стремление нового руководства к либерализации СМИ можно считать лишь попыткой сохранить страну в списке свободных и демократических стран. Это во многом объясняет тот факт, что сегодня страна по-прежнему входит в список «консолидированных авторитарных государств» (Nations in Transit, 2022).

Наряду с Таджикистаном, Конституция Узбекистана гарантирует свободу слова и СМИ (ст. 29), а цензура не допускается (ст. 67). Это положение также отражается в других законах в области СМИ («О СМИ», «О защите журналистской деятельности»). Хотя в законодательстве страны не упоминаются названия органов цензуры, однако на практике контроль над СМИ обеспечивают Министерство культуры РУ, Министерство юстиции РУ, Центр мониторинга СМИ при Агентстве печати и информации Узбекистана. Особое место среди них занимает Служба государственной безопасности РУ, которая обеспечивает вертикальный контроль над СМИ. Об этом также свидетельствует проводимое исследование «The Diplomat» от 2022 г.⁸

Политический режим цензуры и контроля в Узбекистане не усложняет задачу государственных СМИ, так как они являются частью механизмов реализации этой стратегии. Они занимают доминирующее место в контексте сохранения регионального статуса ташкентского режима (Алимов, 2019). Эту функцию выполняют как электронные («ТВ Узбекистан», «ТВ Узбекистан 24», «Радио Узбекистан 24»), так и печатные СМИ («Правда Востока», «Народное слово», «Халқсози»). Среди них доминирующее место занимают электронные СМИ. Сегодня среди всех видов СМИ в стране телевидение занимает первое место. Основным источником информации для узбекского общества является телевидение. Контроль над всеми электронными СМИ осуществляется НТРКУ.

⁸ Постановление правительства РТ «О Службе связи при Правительстве Республики Таджикистан» от 11.05.2011 №252. Режим доступа https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=45130

Политический режим цензуры и контроля относительно независимых СМИ осуществляется в зависимости от их позиционирования к власти. Как и в Таджикистане, это проявляется в принятии законов и законодательных актов, нарушение которых приводит к санкциям по отношению к СМИ, а иногда к их ликвидации. Не исключены и превентивные меры, в частности налоговые проверки и связанные с ними наказания. Однако в отличие от Таджикистана, большинство независимых СМИ в Узбекистане принадлежат чиновникам и бизнесменам, входящим в круг правящей элиты (Гафуров, 2021).

После андижанских событий в 2005 г. руководство страны усилило контроль над независимыми СМИ. Так, законодательство страны запрещает финансирование СМИ, особенно независимых, со стороны международных доноров, что делает их зависимыми от рекламодателей и бизнесменов. Данное обстоятельство, как заявил К. Алламжонов, ярко проявляется в участии чиновников в развитии и сохранении цензуры в СМИ⁹. Это касается как печатных («Даракчи», «Мохият») так и электронных СМИ («ZorTV», «My5», «MilliyTV», «Эхо Долины» и «OriatFM»), большинство которых также присутствуют в сетевой среде. Созданное им сетевое пространство порой формирует протестное настроение у общества, что, вероятно, и служит поводом для их ликвидации (Хасанов, 2016). Впоследствии были внесены изменения в УК УР, согласно которым публичное оскорбление или клевета в отношении президента страны наказывается лишением свободы до 5 лет. По этой статье УК РУ в 2021 г. блогер С. Бабаниязов был приговорен к трём годам лишения свободы. Позднее очередное уголовное дело было возбуждено по отношению к блогеру В. Калонову, который был отправлен в психиатрическую больницу на лечение¹⁰.

Политический режим цензуры и контроля над партийными СМИ проявляется как в вертикальном контроле путем применения законодательных актов, так и в горизонтальном, с учетом организации различных ассоциаций, обеспечивающих косвенное участие власти в производстве информации. Сегодня в стране функционируют пять политических партий, имеющих свои СМИ и представителей в парламенте. Активизация партийной жизни в стране зачастую интерпретируется как часть многоплановой стратегии нового руководства, стремящегося представить Узбекистан светской, демократической и правовой страной¹¹.

На сегодняшний день доминирующее место в информационном пространстве занимает Либерально-демократическая партия Узбекистана — правящая партия. Помимо традиционных СМИ («XX век»), партия также имеет свой интернет-сайт, где ежедневно обновляются материалы. В отличие от случая Таджикистана интернет-сайт правящей партии в Узбекистане не всегда заполняется материалами, ранее опубликованными в печатных СМИ.

Влиянию политического режима цензуры и контроля в основном подвергаются СМИ других политических партий. Так, издание НДПУ «Голос Узбекистана», несмотря на богатую историю и авторитет в информационном поле, не может кон-

9 Алламжонов: в Узбекистане сохраняются цензура и давление на СМИ со стороны чиновников (2020, 28 сент.). Kun.uz, Режим доступа <https://kun.uz/ru/news/2020/09/28/allamjonov-v-uzbekistane-saxranayutitsya-senzura-i-davleniye-na-smi-so-storony-chinovnikov>

10 Латипов Ш. Блогер осуждён на три года за оскорбление президентов (2022, 8 февр.). Портал «Газета.uz». Режим доступа <https://www.gazeta.uz/ru/2022/02/08/presidents/>

11 Грозин: как изменилась партийная жизнь в Узбекистане? (2021, 29 окт.). Портал Uz.vesti.news. Режим доступа <https://uz.sputniknews.ru/20211029/partiynaya-jizn-v-uzbekistane-serezno-aktivizirovalas-nablyudatel-21154208.html>

курулировать со СМИ правящей элиты, что обусловлено как экономическими, так и политическими факторами. Аналогичный вывод можно сделать относительно ДПУ (орган печати «Миллийтикланиш»), СДПУ (орган печати «Справедливость») и ЭПУ, которая появилась в 2019 г. и пока отстает от других партий в информационном поле страны. Политические партии, поддерживающие оппозиционные взгляды, лишены не только возможности участия на выборах, но и представления своей идеологии в информационном поле. Ярким примером служат политические партии «Эрк» и «Бирлик», которые стремятся пройти регистрацию в Министерстве юстиции РУ и участвовать в парламентских выборах, как это было в 2020 г.

Аналогично Таджикистану традиционные узбекские СМИ, присутствующие в сетевой среде значительно способствуют легитимации действия узбекского государства и сохранения его геополитической позиции в регионе (Мухаммадиев, 2018; Алимов, 2016). Помимо официального сайта, они также используют социальные сети, к которым можно отнести Facebook*, YouTube и Telegram, хотя, по сравнению с независимыми СМИ, количество их подписчиков не является существенным. Это касается как периодических изданий («Народное слово», «Правда Востока»), так и электронных государственных СМИ («ТВ Узбекистан», Радио Узбекистан 24»), присутствующих в сетевой среде.

Независимые периодические издания, присутствующие в интернете («Даракчи», «Мохият»), наряду с электронными независимыми СМИ («ZorTV», «MilliyTV» «Эхо Долины») также активно используют социальные сети (Обидов, 2017). Среди них самой популярной социальной сетью является Facebook*, за ним следуют Instagram* и Twitter. Созданное публичное пространство для обсуждения существующих проблем формирует протестное настроение у общества, что, вероятно, и служит поводом для их идентификации с противниками власти (Муратова, 2019). Этому яркий пример — закрытие независимой газеты «Новый век» в 2015 г. и интернет-сайта «Uznews.net» в 2014 г. за критическое позиционирование относительно тогдашнего президента страны И. Каримова.

Аналогичный вывод можно сделать относительно глобальных сетевых СМИ (Мэтякубов, 2012). По официальным данным на сегодняшний день более 6 млн. узбекистанцев пользуются социальными сетями. Наиболее популярными среди социальных сетей в стране являются Telegram и YouTube. Они способны оказывать влияние на происходящие события, как это было в июле 2022 г. на севере страны после вынесения на общественное обсуждение проекта новой редакции Конституции. Несмотря на закрытие доступа к интернет-изданиям, глобальные сетевые СМИ продолжали освещать происходящие события, а в некоторых случаях призывали общество к митингу. Так, в июле 2022 г. редактор газеты «На службе народа» Д. Тажимуратов выступил в своем телеграм-канале с призывом провести перед зданием «ЖокаргыКенеса» (Высший государственный орган власти) митинг за свободу Каракалпакстана.

Перечисленные примеры демонстрируют, что с приходом к власти нового руководства стратегия политического режима цензуры и контроля над СМИ не изменилась, а также по-прежнему является залогом информационной безопасности в стране. Она ориентирована не только на легитимацию публичной политики, но и на создание информационного пространства, которое представило бы проводимый президентом курс политики демократическим, а его партию конкурентоспособной. Одним из вероятных следствий этой политики становятся искажения

функции СМИ, которые по-прежнему остаются инструментом идеологического воздействия власти.

Методы политического режима цензуры и контроля над СМИ в Узбекистане и Таджикистане: механизмы и институты реализации

Организация массовых медиапотоков, выступающих ключевым инструментом в контексте легитимации действий национальных государств, сопровождается появлением новых методов ограничения СМИ. Анализ демонстрирует следующие методы контроля над СМИ в Таджикистане и Узбекистане:

1. *Технические ограничения*, чаще всего ориентированные на сетевые СМИ. В Таджикистане механизмом реализации технического ограничения СМИ выступает Служба связи при Правительстве РТ. Ее главная функция заключается в разработке и реализации государственной политики в области связи, проведении государственного надзора, регулировании и осуществлении деятельности по оказанию услуг в этой сфере¹². Данный орган также управляет государственным оператором связи «Точиктелеком», являющимся единственным юридическим лицом, импортирующим интернет-трафик в стране. Подобным статусом обладает Единый коммутационный центр (ЕКЦ), созданный при «Таджиктелеком», посредством которого аккумулируются международные услуги связи и интернета всех операторов и провайдеров страны. Вероятность масштабного технического ограничения сетевых СМИ возрастает в случае распространения информации, не соответствующей идеологии власти. Примером служит, масштабная блокировка интернет-сайтов и закрытие доступа к социальным сетям в конце 2021 и начале 2022 гг, в связи со сложившейся ситуацией в городе Хороге.

В Узбекистане технический контроль осуществляется в основном Государственной инспекцией по контролю в сфере информатизации и телекоммуникаций («Узкомназорат»), обеспечивающей правила существования контента в интернете. Эту функцию также выполняет Центр мониторинга СМИ при Агентстве печати и информации Узбекистана, непосредственно занимающийся изучением контента СМИ и иницирующий санкции в их отношении. Аналогично Таджикистану в узбекском обществе оперативная реакция стратегии технического ограничения на любые социальные и политические вызовы также проявляется в блокировке интернет-сайтов и закрытии доступа к интернету. Примером служат происходящие события в начале июля 2022 г. на севере страны после вынесения на общественное обсуждение проекта новой редакции Конституции. Данное действие было обосновано необходимостью предотвращения «фейковых новостей» и «вовлечения граждан в антиконституционную деятельность»¹³.

2. *Правовое ограничение*, непосредственно связанное с комплексом правовых мер, ориентированных на ограничение сферы влияния СМИ.

Законы в области СМИ в Таджикистане постоянно изменяются, что также обусловлено ростом сетевой аудитории как с учетом усиления роли СМИ, присутствующих в интернете, так и социальных сетей. Особое значение в этом направлении имеют

¹² Постановление Правительства Республики Таджикистана «О Порядке государственного учета издательской деятельности, полиграфических предприятий и ведения Государственного единого реестра» от 25.02.2017 № 97. Режим доступа http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=128857

¹³ МИД объяснил ограничение интернета в Каракалпакстане. Режим доступа <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/06/response/>

Закон РТ «О борьбе с терроризмом», Закон РТ «О противодействии экстремизму»¹⁴ и Уголовный кодекс РТ¹⁵.

Внесенные изменения в них в последние годы позволили значительно расширить сферу влияния государственных органов в контексте ограничения сферы влияния СМИ. Так, согласно Закону РТ «О борьбе с терроризмом»¹⁶ по всей территории страны или в отдельных ее регионах может быть приостановлен доступ к электронным средствам связи. Содержание материалов террористического или экстремистского характера определяет группа экспертов Комитета по делам религии при правительстве РТ. Аналогичный контроль над СМИ предусматривается в Законе РТ «О противодействии экстремизму», предоставляющий Службе связи при правительстве РТ право контролировать сетевые СМИ, а в случае необходимости ограничить доступ к ним.

Важным в усилении политического режима цензуры и контроля над СМИ стало изменение, внесенное в ст. 137 УК РТ, предусматривающее уголовную ответственность за публичное оскорбление или клевету в адрес лидера нации, каковым с 2016 г. является президент страны. Сложность заключается в том, что в законе не конкретизируются понятия «критика» и «оскорбление», что способствует привлечению СМИ к уголовной ответственности за любую критику власти. Данная инициатива рассматривается как осознанный механизм реализации системы цензуры над независимыми СМИ, поскольку критика президента страны в государственных СМИ маловероятна. Самое наглядное свидетельство этому — обвинение в адрес газеты «Взгляд» и информационного агентства «TojNews» в 2016 г. со стороны Министерства культуры РТ за оскорбление президента страны и неуважение к национальным символам, в результате чего газета перестала функционировать.

Отличие от Таджикистана, правовые меры контроля в Узбекистане зачастую ориентированы на ограничение сетевых СМИ и сетевой аудитории. Ярким примером правового контроля в стране можно считать внесенные изменения в Постановление «О мерах по повышению информационной безопасности в глобальной информационной сети Интернет», согласно которым СМИ теперь должны пройти регистрацию на Едином портале интерактивных государственных услуг РУ (ЕПИГУ). Хотя это упрощает процесс регистрации СМИ, но в то же время предоставляет ЕПИГУ не допустить в информационную сферу СМИ, чья идеология не соответствует идеологии действующего режима.

Можно также говорить о Законе РУ «О персональных данных», позволяющем «Узкомназорату» блокировать доступ к веб-сайтам, которые не соответствуют данному постановлению. Закон также требует от «Узкомназората» хранить персональные данные граждан на серверах, которые должны быть зарегистрированы в компании. Это касается как традиционных, так и сетевых СМИ. Аналогичное можно наблюдать и в Уголовном кодексе РУ. Так, согласно ст. 158 УК РУ публичное оскорбление или клевета в отношении президента страны наказывается исправительными работами до 3 лет или ограничением свободы от 2 до 5 лет либо лишением свободы до 5 лет¹⁷.

¹⁴ Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2.01.2020 № 1655. Режим доступа <http://mmk.tj/content/қонуни-ҷумҳурии-тоҷикистон-дар-бораи-муқовимат-ба-экстремизм>

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574. Режим доступа <http://mmk.tj/content/кодекси-ҷиноятӣ-ҷумҳурии-тоҷикистон>

¹⁶ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16.11.1999 № 845. Режим доступа <http://mmk.tj/content/дар-бораи-мубориза-бар-зидди-терроризм>

¹⁷ Уголовный кодекс Республики Узбекистан Режим доступа <https://lex.uz/docs/111457>

В 2021 г. парламент страны принял законопроект «О рекламе», который, по мнению главы попечительского совета общественного фонда массмедиа в стране, также содержит элементы, ограничивающие деятельность СМИ. При этом, предложения, разработанные журналистским сообществом не учитывали парламентом при принятии данного законопроекта¹⁸. Это положение также наблюдается в Законе РУ «О СМИ»¹⁹. Так, в ст. 13 законопроекта появился строгий запрет для СМИ «порочить честь и достоинство или деловую репутацию граждан, вмешиваться в их частную жизнь».

Заключение

Политический режим цензуры и контроля является своеобразным механизмом управления СМИ, особенно в условиях политико-идеологического противостояния, как между политическими силами в среднеазиатских странах, так и между субъектами нового империализма в регионе. Политический режим цензуры и контроля базируется на правовых (принятие законов в области СМИ) и неправовых (участие органов власти в производстве информации) институтах урегулирования СМИ. Совокупность данных институтов предоставляет режиму возможность не допустить или ограничить распространение в СМИ идей, признаваемых им нежелательными или вредными.

Вектор развития политического режима цензуры и контроля над СМИ в анализируемых государствах реализуется по схожим между собой принципам. Для Таджикистана характерен тотальный контроль над СМИ, которые в зависимости от позиционирования подвергаются давлению системы цензуры. Механизмами реализации этой стратегии выступают те институты, которые разрабатывают государственную информационную политику и тем самым способствуют ее реализации на практике. Особенность этого режима в условиях Таджикистана заключается в том, что его задача не ограничивается управлением СМИ, он одновременно выступает и фактором поддержания мира как легитимного порядка в стране.

В условиях Узбекистана данный режим функционирует чаще всего горизонтально, что проявляется в участии власти в производстве информации с учетом создания различных видов организаций и ассоциации. Сегодня политический режим цензуры и контроля помимо легитимации публичной политики нового руководства ориентирован еще и на создание такого информационного пространства, где все правила диктуются властью, а у участников этого пространства не остается сомнений в правильности доминирующей / пропагандирующей идеологии. При этом важно достичь консенсуса между политической элитой, которой также принадлежит часть функционирующих в стране СМИ. Все это ярко демонстрирует гибкая политика узбекской власти, которая стремится указать свою прозрачность и конкурентоспособность, как в стране, так и в регионе в целом.

Объединяющим фактором Узбекистана и Таджикистана является представление о том, что механизмом реализации политического режима цензуры и контроля в них выступает вся государственная машина, сознательно нацеленная на кон-

¹⁸ Мы против законов, которые «убивают» и мешают развитию СМИ» — К. Алламжонов. Режим доступа <https://uznews.uz/posts/3885>

¹⁹ Новый законопроект о СМИ в Узбекистане: плюсы и минусы для медиарынка. Режим доступа <https://newreporter.org/2020/08/24/novyj-zakonoproekt-o-smi-v-uzbekistane-plyusy-i-minusy-dlya-mediarynka/>

троль над СМИ для сохранения информационной безопасности и легитимации публичной политики. На этой основе были выявлены технические и правовые методы ограничений СМИ в этих государствах. Правовые методы ограничения СМИ были рассмотрены как осознанное принятие властью законов, изменение законодательства страны в области СМИ, значительно ограничивающее их доступ к официальной информации и запрещающее обсуждение противопоставленной власти позиции. Техническое ограничение представляется как использование различных методов давления государственными органами в целях предотвращения или задержки распространения в СМИ информации, приносящей ущерб их карьере, путем прямого вмешательства в редакционную политику, подкупа журналистов, редакторов, а также применения физического насилия в отношении журналистов.

Таким образом, полученные результаты демонстрируют высокую значимость СМИ в качестве инструмента идеологического воздействия и правящей элиты, и ее конкурентов в Узбекистане и Таджикистане. Функционирование СМИ в рамках политического режима цензуры и контроля является залогом устойчивости внешней и внутренней политики этих государств. Результаты проведенного исследования также позволяют выдвинуть гипотезу о дальнейшей вероятности наличия подобной стратегии и соответствующих СМИ для легитимации публичной политики в этих государствах. При этом не исключены изменения как в функционировании самих СМИ, так и в стратегии контроля над ними под воздействием внешних и внутренних факторов.

Библиографический список

- Алимов, Б. С. (2019). Новый медиаоблик Узбекистана. *Иностранные языки в Узбекистане*, 1(24), 150–162.
- Алимов, Б. С. (2016). Значение социальных сетей в формировании имиджа Республики Узбекистан. *Вестник Челябинского государственного университета*, 4(386), 14–19.
- Базылева, С. П. (2017). Элитная борьба и стабильность политического режима в Узбекистане. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 1(19), 77–82. DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-77-82
- Гафурова, П. А. (2021). *Информационно-аналитические программы телевидения узбекистана: история, особенности, принципы организации (на примере программ «Ахборот 24» (телеканал «Узбекистан 24») и «УзРепорт Ньюс (телеканал «УзРепорт ТВ»)*. Москва: Российский университет дружбы народов.
- Гегель, Г. В. Ф. (1978). *Политические произведения*. Москва: Наука.
- Горяева, Т. М. (2009). *Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг.* Москва: РОССПЭН.
- Ирназаров, Ш. К. (2018). Вопросы эволюции СМИ Узбекистана в переходный период. В *Мировая журналистика: единство многообразия*: сб. науч. ст. Москва: РУДН.
- Карпов, С. (ред). (2013). *Навстречу свободной прессе Центральной Азии: 20 лет спустя*. Алматы: Юнеско.
- Матц, У. (1992). Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. *Политические исследования*, 1(2), 130–142.
- Мукумов, М. (2016). Мультимедийная журналистика в Таджикистане. *Вестник Таджикского национального университета*, 4(195), 262–269.
- Мукумов, М. А. (2019). Новые медиа и пропаганда. *Вестник Таджикского национального университета*, 1, 291–297.

- Муратова, Н. Ф. (2019). Интернет-СМИ Узбекистана: становление и современное состояние. В *Актуальные проблемы медиаисследований*: сб. науч. ст. Москва: МГУ.
- Мухаммадиев, Ж. У. (2018). Роль свободы слова и информации в построении гражданского общества и проблемы обеспечения информационной безопасности. *Государство и право*, 11, 130–134. DOI: 10.31857/S013207690002189-9
- Мэтякубов, А. Д. (2012). Влияние интернет-журналистики на преобразование СМИ Узбекистана. *Журналистский ежегодник*, 1, 99–102.
- Обидов, М. Д. (2017). Негосударственные электронные СМИ: партнер или конкурент? *Век информации*, 2, 233–235.
- Поцелуев, С. Р., Курбатов, А. В., Маник А. С. (2021). Политическая корректность как политическая цензура: к иронии одного концепта. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 1, 214–223. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-214-223.
- Салимов, Д. М. (2023). *СМИ и политика: Таджикистан в поисках согласия*. СПб: СПбГЭУ.
- Салимов, Д. М. (2018). Власть или СМИ: кто в доме хозяин? В *Медиа и власть: власть медиа*: сб. науч. ст. Казань: КФУ.
- Хасанов, М. Б. (2016). Актуальные вопросы взаимодействия средств массовой информации и институтов гражданского общества в Узбекистане. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 3, 103–109.
- Шаймергенов, Т. Т., Абишева, М. А. (2017). *Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Вероятные сценарии на 10 лет вперед*. Астана: Елбасы.
- Шарифзода К. (2014). *Свобода и ответственность слова*. Душанбе: Ирфон.
- Шарифзода, К. (2009). *Проблемы свободы слова*. Душанбе: Деваштич.
- Avsar, Z. (2022). An Overview of Media History in Uzbekistan. *Communication and Diplomacy*, 8, 59–73. DOI: 10.54722/iletisimvediplomasi.1120313
- Cook, Ph., Heilmann, C. (2012). Censorship and two types of selfcensorship. *Social and Political Philosophy*, 3, 2–25. DOI: 10.2139/ssrn.1575662.
- Driscoll, J. (2012). Commitment Problems or Bidding Wars? Rebel Fragmentation as Peace-Building. *Journal of Conflict Resolution*, 1, 118–149. DOI: 10.1177/0022002711429696
- Freedman, E., Kurambayev, B. (2019). Ethics and Journalism in Central Asia: A Comparative Study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. *Journal of Media Ethics*, 35, 31–44. DOI: 10.1080/23736992.2019.1700119
- Horton, J. (2011). Self-Censorship. *Res Publica*, 17(1), 91–106. DOI: 10.1007/s11158-011-91453
- Jansen, S. C. (1988). *Censorship: The Knot That Binds Power and Knowledge*. UK: Oxford University Press.
- Merrett, C. (2007). *State Censorship and the Academic Process in South Africa*. Illinois: The University of Illinois.
- Osman, W. (2019). Between the White House and the Kremlin: a Comparative Analysis of Afghan and Tajik Media. *International journal of communication*, 13, 619–641. DOI: 1932-8036/2019FEA0002
- Roche, S. (2019). *Faceless Terrorist: A Study of Critical Events in Tajikistan*. Cham: Springer.
- Rollberg, P., Laruelle, M. (2015) The Media Landscape in Central Asia: Introduction to the Special Issue. *Demokratizatsiya: The journal of Post-Soviet democratization*, 23, 227–232.

Статья поступила в редакцию 10.11.2022
Статья принята к публикации 20.12.2022

Для цитирования: Салимов Д. М. Механизмы контроля над СМИ по-азиатски: компаративный анализ на примере Узбекистана и Таджикистана. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2022. Т. 23. № 4. С. 136–153.

MECHANISMS OF CONTROL OVER THE MEDIA “ACCORDING TO ASIASTCOM”: COMPARATIVE ANALYSIS ON THE EXAMPLE OF UZBEKISTAN AND TAJIKISTAN

D. M. Salimov

Dilovar M. Salimov

E-mail: dilovar.salimov.1988@mail.ru. ORCID 0000-0002-6697-0902.

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Embankment of the Northern Dvina, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia.

Abstract. The article discusses the mechanisms and institutions for the implementation of the political regime of censorship and control over the media in the information field of Tajikistan and Uzbekistan. It is noted that the political regime of censorship and control over the media formed by them significantly reduces the flow of information attacks in them and thereby creates a media space in which all the rules are dictated by the authorities. The functioning of the media within the framework of this strategy is the key to the stability of both the foreign and domestic policies of nation states. This aspect is considered in a comparative manner, taking into account the analysis of media publications and regulations relating to the political life of both states. The mechanisms for the implementation of the political regime of censorship and control over various types of media are determined, depending on their position in relation to the current regimes. Both legal and extra-legal mechanisms of the political regime of censorship and control over the media are identified. One of the key findings is that the political dynamics of Tajikistan and Uzbekistan are largely determined by the organization of mass media flows, which are considered a key tool in the context of legitimizing the actions of local authorities. The methods they propose for solving existing problems demonstrate a different combination of democratic principles and mechanisms of imperative coordination, pushing these states towards the style of intentional and unintentional authoritarianism. The political regime of censorship and control over the media developed by them is the key to information security in the conditions of political and ideological confrontation, both between the authorities and the opposition in these states, and geopolitical players in the region. The conceptual basis of the study is also the scientific idea that in nation states the validity of the policy of regimes becomes an important factor, whose stability is suggested by the presence of mechanisms for the information impact of power on society and models of political positioning of the media, which is the political regime of censorship and control.

Keywords: political regime, political censorship, mass media, government, state, legitimate order, personifications of the political regime, authoritarian regime, information security.

DOI 10.31429/26190567-23-4-136-153

References

- Alimov, B. S. (2019). Novyy mediaoblik Uzbekistana [New Media Image of Uzbekistan]. *Inostrannyye yazyki v Uzbekistane* [Foreign languages in Uzbekistan], 1(24), 150–162.
- Alimov, B.S. (2016). Znachenie sotsialnykh setey v formirovanii imidzha Respubliki Uzbekistan [The Importance of Social Networks in The Formation of Uzbekistan’s Image]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 4(386), 14–19.
- Avsar, Z. (2022). An Overview of Media History in Uzbekistan. *Communication and Diplomacy*, 8, 59–73. DOI: 10.54722/iletisimvediplomasi.1120313
- Bazyleva, S. P. (2017). Elitnaya borba i stabilnost politicheskogo rezhima v Uzbekistane [Elite Struggle and Stability of the Political Regime in Uzbekistan]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Political Science], 1(19), 77–82. DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-77-82
- Cook, Ph., Heilmann, C. (2012). Censorship and two types of selfcensorship. *Social and Political Philosophy*, 3, 2–25. DOI: 10.2139/ssrn.1575662

- Driscoll, J. (2012). Commitment Problems or Bidding Wars? Rebel Fragmentation as Peace-Building. *Journal of Conflict Resolution*, 1, 118–149. DOI: 10.1177/0022002711429696
- Freedman, E., Kurambayev, B. (2019). Ethics and Journalism in Central Asia: A Comparative Study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan. *Journal of Media Ethics*, 35, 31–44. DOI: 10.1080/23736992.2019.1700119
- Gafurova, P. A. (2021). *Informatsionno-analiticheskie programmy televideniya uzbekistana: istoriya, osobennosti, printsipy organizatsii (na primere programm "Akhborot 24" (telekanal "Uzbekistan 24") i "UzReport Nyus" (telekanal "UzReport TV"))* [Information and Analytical Programs of Television of Uzbekistan: History, Features, Principles of Organization (On the Example of the Programs "Akhborot 24" (TV channel "Uzbekistan 24") and "UzReport News" (TV channel "UzReport TV"))]. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov.
- Goryaeva, T. M. (2009). *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg* [Political Censorship in the USSR. 1917–1991]. Moskva: ROSSPEN.
- Hegel, G. W. F. (1978). *Politicheskie proizvedeniya* [Political Works]. Moskva: Nauka.
- Horton, J. (2011). Self-Censorship. *Res Publica*, 17(1), 91–106. DOI: 10.1007/s11158–011–91453
- Irnazarov, Sh. K. (2018). Voprosy evolyutsii SMI Uzbekistana v perekhodnyy period [Issues of the Evolution of the Media in Uzbekistan in the Transition Period]. In *Mirovaya zhurnalistika: edinstvo mnogoobraziya* [World Journalism: The Unity of Diversity]. Moskva: RUDN.
- Jansen, S. C. (1988). *Censorship: The Knot That Binds Power and Knowledge*. UK: Oxford University Press.
- Karpov, S. (Eds) (2013). *Navstrechu svobodnoy presse Tsentralnoy Azii: 20 let spustya* [Towards a Free Press in Central Asia: 20 Years Later]. Almaty: Unesco.
- Khasanov, M. B. (2016). Aktualnye voprosy vzaimodeystviya sredstv massovoy informatsii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Uzbekistane [Topical Issues of Interaction between the Media and Civil Society Institutions in Uzbekistan]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultury, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 3, 103–109.
- Matts, U. (1992). Ideologii kak determinanta politiki v epokhu moderna [Ideologies as Determinant of Modern Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1(2), 130–142.
- Matyakubov, A. D. (2012). Vliyanie internet-zhurnalistiki na preobrazovanie SMI Uzbekistana [The Influence of Online Journalism on the Transformation of the Media in Uzbekistan]. *Zhurnalistikiy ezhegodnik* [Journalistic Yearbook], 1, 99–102.
- Merrett, C. (2007). *State Censorship and the Academic Process in South Africa*. Illinois: The University of Illinois.
- Muhammadiev, Zh. U. (2018). ol svobody slova i informatsii v postroenii grazhdanskogo obshchestva i problemy obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti [The Role of Freedom of Speech and Information in Building a Civil Society and the Problems of Ensuring Information Security]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 11, 130–134. DOI: 10.31857/S013207690002189–9.
- Mukimov, M. (2016). Multimediynaya zhurnalistika v Tadjikistane [Multimedia journalism in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo natsionalnogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 4(195), 262–269.
- Mukimov, M. A. (2019). Novye media i propaganda [New Media and Propaganda]. *Vestnik Tadjikskogo natsionalnogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 1, 291–297.
- Muratova, N. F. (2019). Internet-SMI Uzbekistana: stanovlenie i sovremennoe sostoyanie [Internet Media of Uzbekistan: Formation and Current State]. *Aktualnye problemy mediaissledovaniy* [Actual Problems of Media Research]. Moscow: Moscow State University.
- Obidov, M. D. (2017). Negosudarstvennyye elektronnyye SMI: partner ili konkurent? [Non-state Electronic Media: Partner or Competitor?]. *Vek informatsii* [Age of Information], 2, 233–235.
- Osman, W. (2019). Between the White House and the Kremlin: a Comparative Analysis of Afghan and Tajik Media. *International journal of communication*, 13, 619–641. DOI: 1932–8036/2019FEA0002

- Potseluev, S. R., Kurbatov, A. V., Manik A. S. (2021). Politicheskaya korrektnost kak politicheskaya tsenzura: k ironii odnogo kontsepta [Political Correctness as Political Censorship: to the Irony of One Concept]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Administration. Scientific Notes], 1, 214–223. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-1-214-223
- Roche, S. (2019). *Faceless Terrorist: A Study of Critical Events in Tajikistan*. Cham: Springer.
- Rollberg, P., Laruelle, M. (2015) The Media Landscape in Central Asia: Introduction to the Special Issue. *Demokratizatsiya: The journal of Post-Soviet democratization*, 23, 227–232.
- Salimov, D. M (2023). *SMI i politika: Tadzhikistan v poiskakh soglasiya* [Mass Media and Politics: Tajikistan in Search of Consent]. SPb: SPbGEU.
- Salimov, D. M. (2018). Vlast ili SMI: kto v dome khozyain? [Power or the Media: Who is the Boss in the House?] In *Media i vlast: vlast media* [Media and Power: Media Power]. Kazan: KFU.
- Sharifzoda, K. (2009). *Problemy svobody slova* [Problems of Freedom of Speech]. Dushanbe: Devashtich.
- Sharifzoda, K. (2014). *Svoboda i otvetstvennost slova* [Freedom and Responsibility of Speech]. Dushanbe: Irfon.
- Shaymergenov, T. T., Abisheva, M. A. (2017). *Tsentralnaya Aziya 2027: menyayushchiysya strategicheskiy landshaft. Veroyatnye stsensarii na 10 let vpered* [Central Asia 2027: A Changing Strategic Landscape. Possible Scenarios for 10 years Ahead]. Astana: Elbasy.

Received 10.11.2022

Accepted 20.12.2022

For citation: Salimov D. M. Mechanisms of Control Over the Media «According to Asiascom»: Comparative Analysis on The Example of Uzbekistan and Tajikistan.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 23. No. 4. Pp. 136-153.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).